

УДК 338.2:316.006

© Г. Э. Говорухин, Г. Р. Осипов, 2007

НЕДООСВОЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Говорухин Г. Э. – декан исторического факультета канд. филос. наук, доц. (КнАГПУ); *Осипов Г. Р.* – начальник строительного управления УПТК-10, соискатель кафедры «Философия и культурология» (ТОГУ)

В работе впервые в отечественной науке рассматривается процесс выпадения территорий из хозяйственного оборота. По мнению авторов, освоение региона было властным, а не хозяйственным. В силу этого, при ослаблении властного дискурса, хозяйственное освоение оказывается нерентабельным. Образуются «пустые» пространства не только в далекой тайге, но и непосредственно на территории городов. Они «невидимы» ни политически, ни экономически, их минует транспортная инфраструктура. Процесс образования таких «лакун», их влияние на региональное экономическое пространство и прослеживается в статье.

For the first time in the history of Russian science the process of territorial falling out from the economic turn over has been analyzed in the article. The authors consider the regional developing to be rather imperious than economic. Due to the imperious discourse loosening economic developing proves to be non-profitable. “Empty” places begin to appear not only in the faraway taiga but directly on the city sites. They “can be seen” neither politically nor economically, has transport infrastructure passes them by. The process of these “lacoons” appearing, their influence on the regional economic space have been investigated in the article.

Пространственные лакуны как «невидимые» горизонты социально-экономических проблем

Формирование на карте страны белых пятен – хозяйственных лакун, пустующих территорий государства – становится следствием тех политических процессов, которые наблюдаются сегодня в российской действительности. Этим утверждением можно воспользоваться, если принять во внимание, что расширение территории государства (за счет

«пустующих» земель) является результатом не только и не столько активной внешней политики этого государства, сколько следствием расширения самого властного дискурса государства [1]. При этом, конечно, внешняя политика государства никуда не исчезает, возникает лишь исследовательская потребность поменять местами причину и следствие. Производя такую смысловую рокировку, мы получаем следующее, пока теоретическое утверждение: увеличение объема уровней власти (политической, экономической и др.) в границах отдельно взятого государства приводит сначала к желанию увеличить, а затем к реальным способам увеличения территории этого государства [2]. Чем больше властная система, чем шире структурные подразделения власти, тем значительнее желание представителей власти «прикрепиться» к конкретному пространству, а отсюда собственное расширение или, иначе, интенсификация давления массы власти на реального индивида, существующего именно на реальной территории. Здесь показательна идея Н. Элиаса о том, что именно абсолютная власть свидетельствует о ее недостаточном контроле над обывателями, и наоборот, расширение бюрократического аппарата и, как следствие, «усечение» абсолютизма говорит о большем влиянии власти на конкретного индивида [3]. Отсюда силлогизм – расширяющаяся власть в лице ее представителей нуждается в расширении внешних границ государства или уплотнении (интенсивном заселении) внутренних пространств государства. Следовательно, противоположные процессы, т. е. процессы территориального (географического) сужения пространства государства, становятся очевидным следствием сужения или уменьшения властного коммуникативного пространства (в данном случае можно прибегнуть также к исходному понятию «дискурс» М. Фуко). Сегодня, когда пространственное сокращение Российского государства почти достигло, с точки зрения международного права¹, своего логического предела, исследование его внешнего сокращения, т. е. сокращения его территории в пределах внешних границ, теряет всякий смысл. Очертания современной России уже вполне оформлены и достаточно явно выражены в геополитическом пространстве. По крайней мере так кажется сегодня. Оформление внешних границ диктует и правила организации внутреннего пространства страны. В общем-то внутренние границы страны предопределены самим принципом, говоря языком И. Стенгерса, *равновесных* систем. Иначе, если внешняя политика государства направлена на сохранение или аккумуляцию пространства, то и внутренняя политика государства будет подчинена той же цели. Однако внешнеполитические задачи государства артикулированы только в риторике

¹ Все территории, с точки зрения международного права, уже уступлены.

политиков. С позиции и места этих политиков слабо просматривается социальная реальность, возникшая на так называемых внутренних территориях страны. *Согласно этой социальной реальности, в противовес процессам стабилизации государства во внешнем пространстве, внутренние границы государства активно сужаются.* Этот тезис, при всей своей странности, может быть аргументирован.

Формальным критерием уменьшения (сужения) внутренних границ государства выступает *интенсивный отток населения* и, как следствие, возникновение так называемых проблемных ситуаций на территории страны. Речь идет о неконтролируемых как самим государством, так и обществом территориях, на которых возникают неожиданные ЧП в виде пожаров, оползней, наводнений и т. д. То или иное явление неожиданно, само по себе достаточно условно и с большой вероятностью субъективно. В данном случае принципиально то, что именно в результате разных чрезвычайных происшествий общество, а главное – государство, начинает осознавать, что оно «владеет» еще и такой территорией. В этой связи объективным здесь становится непрозрачность для государства некоторого «клочка» земли, на котором происходят те или иные события. Таким образом, объективно и то, что некоторые территории не контролируются государством.

Понятие «неконтролируемости» во многом когерентно явлению бесхозяйственности и потому всегда негативно. Однако в данном случае речь идет о сужении смысловых локалов² хозяйственной деятельности на определенном пространстве страны, а не о бесхозяйственности, что лишает понятие «неконтролируемости» каких бы то ни было негативных смыслов. В этой связи, с целью избежать в дальнейшем подобных ненужных суждений относительно вполне объективных процессов, предложим вместо понятия «неконтролируемые пространства» понятие «пространственные лакуны». Пространственные лакуны – это и есть территории, которые в машинерии бюрократической системы государства «затерялись», исчезли из реестров экономического, хозяйственного пользования. Они (территории) появляются лишь тогда, когда на них возникают исключительные события, требующие как письменных отчетов чиновников, так и практических мер по устранению этих событий специальными службами.

² ««Локал» — не место, не местность, не ландшафт, вообще не территория как таковая. Он означает привязку физического окружения к «типичным взаимодействиям», из которых, собственно, и состоят социальные образования. В зависимости от характера социального образования соответствующий «локал» может охватывать и очень ограниченное пространство (жилище, офис, фабрика), и очень обширное (государство или империя)» [1].

Процесс возникновения пространственных лакун сам по себе длителен, но вместе с тем он вполне прозрачен для исследователя. Внутреннее сужение пространства, а также его переконфигурация, приведшая к формированию пространственных лакун, обозначились в период постсоветского времени и уже достаточно явно оформились. Это вызвало появление большого корпуса литературы, посвященной изучению и анализу данной проблемы³, что является знаком заинтересованности исследователей в ее решении.

Вместе с тем современные исследования зачастую охватывают проблемное поле, касающееся так называемых давно освоенных участков России, где вопрос лакунарных референций стоит менее остро в силу большей заселенности территории и более глубоких традиций существования русскоязычного населения на этих территориях. Вскрыть же тенденции существующего коммуникативного пространства оказывается удобнее там, где социальная структура представляет собой некоторое «локальное» в географическом смысле пространство, оторванное от исторически обжитой территории страны. В этом случае особенность коммуникативного пространства определяется не столько исторически сложившимися хабитуарными («опривыченными») отношениями, цементирующими акторов в коммуникативной сети, сколько вновь создаваемыми смыслами между коммуникантами. Хабитуарные [2] отношения позволяют удерживать население в рамках региона и тем самым избегать указанных выше проблемных ситуаций на данных территориях. Новые территории прежде всего характеризуются нечеткими смысловыми связями между коммуникантами. Именно в феномене «новых территорий» кроется загадка формирования пространственных лакун и возможных хозяйственных проблем. *В настоящей работе мы ставим перед собой цель проанализировать процесс формирования пространственных лакун.* В качестве исследуемой территории берется удаленный от исторического центра России регион, к каковым относится в целом весь Дальний Восток и в частности Хабаровский край. В этом случае для «чистоты эксперимента» рассматривается район, где факторы ожидаемого властного воздействия [4] со стороны федерального центра неспособны остановить процесс миграции населения, а также формирование пустующих в хозяйственных практиках земель.

³ Каганский В. П. Центр – провинция – периферия – граница. Основные законы культурного ландшафта // Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск, 1998; Каганский В. П. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001; Культурный ландшафт русского Севера. М., 1998; Осьмук Л. А. Взаимодействие социальных миров: К проблеме конвенциональных отношений. Новосибирск, 2004; и др.

Эмпирическим основанием нашего исследования являются данные Городского архива администрации г. Комсомольска-на-Амуре (ГАК), а также шесть неформализованных биографических интервью с чиновниками муниципальных ведомств Комсомольска-на-Амуре и начальниками силовых подразделений п. Ванино и два неформализованных экспертных интервью с чиновниками Хабаровского края, собранные в 2003–2005 г.⁴ Эмпирические данные работы получены также в результате исследований, проведенных в г. Комсомольске-на-Амуре и Комсомольском районе накануне выборов в Законодательную думу Хабаровского края, инициированных Российской ассамблеей политических экспертов и консультантов и Комитетом по печати, полиграфической промышленности и телерадиовещанию при правительстве Хабаровского края в августе 2004 г., сентябре 2005 г. и декабре 2005 г. (750, 900, 450 анкет соответственно, при генеральной совокупности жителей города и района около 292 тыс. человек), а также данных фокусированных интервью (опрос населения проводился в сентябре 2005 г. Дальневосточным институтом социально-политических исследований г. Хабаровска и социологической лабораторией Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета).

Решение заявленной задачи необходимо вести, начиная с истока формирования самой проблемы возникновения пространственных лакун, т. е. с момента освоения пространства. Причин обращения к такому истоку несколько: **первая** – изначально особая организация символики коммуникативного сетевого пространства территории. Исследовательская логика постановки и прогнозирования такой причины следующая: люди покидают территорию, а значит, не созданы социальные сети, позволяющие этим людям закрепиться на этой территории. В этом случае перед нами встает необходимость рассмотреть процесс символизации пространства, способный или неспособный артикулировать пребывание людей на данной территории. **Вторая** причина – особая социальная организация пространства, которая не позволяет считать его своим или родным, а следовательно, такое пространство не жаль покидать. Наше внимание, таким образом, должно быть направлено на определение логики освоения пространства и, как следствие, на выяснение характеристики территории. **Третья** причина – особая организация системы управления территорией, которая не смогла осуществить процесс каузального закрепления территории. В результате мы ставим перед собой еще одну (служебную) задачу: обрисовать контуры административной системы управления «на местах», а также обозначить условия появления этой административной системы.

⁴ Отбор информантов производился по методике «снежного кома».

Все три причины заставляют обратиться к вопросу, как произошло освоение территории? Строго говоря, это и является тем истоком возникновения пространственных лакун, о котором мы заявляли выше.

Символика осваиваемого пространства как причина первая

Особенностью возникновения пространственных лакун является слабая вовлеченность или, иначе говоря, слабое понимание населением условий жизни тех территорий, которые им предстоит осваивать. Потенциально лакунарными становятся те пространства, на которых хозяйственная деятельность человека еще слабо оформлена, как впрочем, и слабо отлажены социальные процессы. Система отношений людей на этой территории в силу своей слабой коммуникативности не включается в таблицы культуры письма, что, мы думаем, случается лишь в результате *происхождения* чрезвычайных явлений на этих территориях. Переписка отсутствует, а значит, для отлаженной письменной системы государственного аппарата такая система отношений непрозрачна⁵. Формирование социальных процессов происходит параллельно символизации территориального пространства, закрепляющей в общественном сознании коммуникативные штампы поведения человека в данных территориальных (географических) условиях. Социальные процессы, возникающие на конкретной территории, становятся результатом маркирования-закрепления самой территории. Собственно процесс описания условий быта, определения, даже неправильного, процесса ведения хозяйственных практик именно как *неправильного* является формой такого маркирования. Например, описание очистки зерна переселенцами XIX в. на Амур современниками, которая определена как малоэффективная, выступает способом качественного ознакомления с территорией: «Веяние хлеба производится только на ветру и часто затрудняется, так как зимою иногда подолгу стоит безветрие... Веялки встречаются весьма редко... очистка (зерна) несовершенна и зерно получается очень сорное... Во всей Приморской области существуют весьма благоприятные условия для развития сорных трав, а устарелые приемы культуры, практикуемые населением, не могут, разумеется, уменьшить это зло...» [5]. В этой же связи происходит и спонтанная смена деятельности переселенцами. Знакомство с территорией неизбежно ведет к приспособлению к ней. Ф. Буссе пишет о переселенцах из Забайкальской области, которые по приглашению правительства в 1852 г. добровольно расселились по «Аянскому тракту», чтобы заниматься земледелием, и встретили большие невзгоды. «Вследствие невозможности земледелия в суровом климате, они обратились к рыбно-

⁵ См.: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

му и пушному промыслам...» [6, с. 427]. Описание возможных условий формирования быта, конечно же, становится следствием передачи опыта культивирования практических навыков на конкретной территории. Собственно, это приводит и к формированию символических практик ведения хозяйства. Например, из-за неприспособленности крестьянского быта русских в дальневосточных условиях практически сразу стали применять труд корейцев, более привычных к местным климатическим условиям. Русских переселенцев интересовали не столько рабочие руки, сколько навыки работы. Корейцы пахут на быках, используют соху особого устройства, особо выгнутые мотыги и т. д. [5 с. 375]. В результате урожайность корейских «фанз» выше, чем у русских. Отсюда следует, что символическое оформление пространства не распространялось на ведение сельского хозяйства, которое на Дальнем Востоке принято считать рискованным. Как пример к вышесказанному – сегодняшняя более высокая урожайность участков земли, обрабатываемых корейцами и китайцами, в сравнении с тем, что получают наши соотечественники-дальневосточники. Закрепление населения за землей произошло только номинально. Попытки использовать крестьянские руки, что называется, по назначению, осуществлялись только в дореволюционный период, когда, несмотря на невысокую эффективность в сравнении с использованием иностранного труда, производительность сельскохозяйственных работ была все-таки высокой. Приамурский край практически полностью обеспечивал себя едой (хотя причина здесь может быть в малой численности населения – едоков). В советское время (20–40-е гг.) «осмысление» территории как сельхозжитницы перестает быть сельскохозяйственно значимым. До 70 % населения, прибывавшего в это время на Дальний Восток, принадлежало к крестьянскому сословию, но из них до 80 % и более меняли род занятий [7]. Причина здесь кроется в промышленной ориентации Дальнего Востока и отходе на второй план сельскохозяйственного освоения земель. Это означает, что происходит символическое маркирование территории как карты промышленной добычи и переработки полезных ископаемых. При таких промышленных масштабах и при постоянной нехватке рабочих рук «знакомство с краем» проходило только там, где были возможны залежи необходимых стране ресурсов. Все остальные районы края оказывались вне фокуса государственного внимания и, как следствие, властных структур.

Важным моментом маркирования территории является создание отлаженного механизма трансляции знания, осуществляемого властными структурами [1, 8]. Этот механизм устанавливает символы легитимного владения этой территорией. Он же формирует единое символическое поле эпистемологического пространства (т. е. пространства

знания), называемого теперь территорией данного государства, или территорией данного этноса. Серьезной проблемой создания эпистемологического пространства территории является слабая интегрированность населения в схему осваиваемого пространства. Чужая территория, чужие территориальные этнонимы не позволяют обществу и государству применить культурный опыт пользования осваиваемой местностью и сформировать легитимные основания для защиты этой территории от противника. Территория Дальнего Востока XIX в. предлагает классический пример условий формирования легитимного пространства. Легитимное оформление этой территории возникает лишь тогда, когда и китайской, и русской сторонам становится понятным активное присутствие третьих сил. Заявление британского дипломата Мидоуза о немедленной навигации западных судов по Амуру без предоставления на это права Россией (чье присутствие на Дальнем Востоке в середине XIX в. было номинальным), а тем более Китаем – это совершенно типичный пример [9]. В результате возникает очевидная потребность задействовать систему «международного права» закрепления территории. В конечном итоге создаются маркеры территории. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев при заключении Айгунского договора заявлял: «На основании заключенного договора можем показать означенные места, нам принадлежащие» [10, с. 509]. Создание такого договора стало возможным лишь в том случае, когда присутствие сторон уже осуществилось хотя бы формально.

Таким образом, решение проблемы маркирования требует создания некоторого культурного специфического ландшафта на данной территории, выступающей зоной консервируемых с течением времени коммуникативных отношений, перенесенных переселенцами из метрополии.

* * *

Символическое пространство – это пространство референций, обозначаемое структурой социальных отношений. Осваиваемое пространство представляет собой игровое поле, ограничивающее своими правилами значимость игроков. Планомерное освоение пространства в условиях социальной системы – это акт расширения символов и смыслов властных позиций общества и самого государства [11]. Более того, сами географические образы представляют собой конгломерат символов, определяющих эпистемологическую сеть топонимических точек конкретного пространства [12]. Вокруг этих топонимических точек создается семиотический пласт социальной структуры, который фактически обозначает проникновение человеческой культуры в объект природных процессов. До этого момента, т. е. момента называния или «обысторивания», эти объекты не входили в структуру повседневности че-

ловека и были вне поля социальной рефлексии индивида. Чрезвычайно важен процесс осознания знаков географической реальности как момент формирования смыслового поля социального пространства. Этот процесс осуществляется путем «социализации» географических объектов, включаемых в схему учтенных, кодифицированных и запротоколированных культурных штампов. Объекты необходимо вносить в географические карты, для этого предлагается система обозначения этих объектов. Сами карты являются протокольной формой учета того, что принадлежит хозяину: латифундисту, дачнику, профсоюзу, государству. Процесс символизации географических объектов – это не что иное, как описание географических объектов, просматривающихся в схеме эпистемологических ниш социальной реальности. Сам процесс кодификации – это процесс, осуществляемый в условиях властных конструкций (описание территории с целью контроля).

Топонимических объектов в конкретном географическом пространстве может быть чрезвычайно много, но нельзя забывать, что эти объекты составляют всего лишь некие «складки бытия». Они уникальны и не могут отразить всю наполненность пространства. Между топонимами, а главное, между географическими объектами, которые в силу своей необычности могут получить название (прописаться), существуют семиотические лакуны, заполняемые сигнификацией (осознанием человеком знаков) социальной структуры. Это то, что мы отмечали выше, говоря о промышленном освоении территории. При этом лакуной для поселенцев также будет являться (правда, до некоторых пор) символизм аборигенов.

Таким образом, осваиваемое пространство – это еще и пространство, наделяемое некоторыми социально значимыми символическими маркерными точками, вокруг которых начинает нарастать символика эпистемологических референций [13]. Подобным образом происходило развитие и Дальнего Востока. Схематично это развитие может быть обозначено следующим образом: 1. Создание, постройка, укрепление и т. д. первоначального пункта заселения территории-форпоста, возникновение маркерных точек. 2. Радиальное расширение хозяйственных районов вокруг первоначального пункта. Охват территории хозяйственной деятельностью поселенцев. Например, вокруг Хабаровки (будущего Хабаровска), которая на момент 1858 г. была реперной точкой на карте, идет расселение постоянно прибывающего населения, а уже в 1861 г., как об этом пишет Ф. Буссе [6], переселенцы двинулись из окрестностей Хабаровска на освоение Южно-Уссурийского края. Причем тот же Ф. Буссе отмечает, что этому движению предшествовало занятие войсками бухты Посьета в 1859 г. и создание в 1861 г. пограничных военных постов, т. е. создание форпостов, от которых начинают

развиваться «хозяйственные промыслы» региона. 3. Развитие отдаленных районов, граничащих с другими форпостами. Формирование в них почтовых постов, предоставляющих коней для передвижения, зимовья для ведения охоты и т. д.

Осмысление территории осуществляется в границах заселяемого пространства как процесс радиального охвата территории, так называемый эффект «круги на воде». Освоение форпоста (Благовещенск, Хабаровск, Охотск, Николаевск – пространства А, В, С и т. д. (рисунок)) – это отправной пункт начала колонизации. Первоначально такими пунктами были Иркутск, Якутск и другие поселения, к XIX в. не только основанные, но и обжитые. Разбросанные населенные пункты в XIX в. составляют мозаичный каркас будущего российского Дальнего Востока. Далее эти населенные пункты, расширяясь сами, охватывают все большие пространства, «разбрасывая» работающее население, увеличивая хозяйственное пространство метрополии. Это пространство обслуживающих форпост поселков, зимовий, дач и т. д. За счет этого осуществлялось хозяйственное освоение или заполнение пространства, а также включение или объединение первоначальных населенных пунктов (форпостов) в единое семиотическое пространство. Артефактами единения выступают дороги, фонарные и телеграфные столбы, т. е. объекты, входящие в систему административного (государственного) и частного (индивидуального) контроля.

Круг хозяйственного освоения региона представляет собой символическое пространство расширения конкретного форпоста, т. е. первоначальной точки освоения территории, однако между форпостами образуется незаполненное пространство – ничейная территория (рисунок).

Такие незаполненные пространства не прописаны документально, неконтролируемы, если от них не исходит угроза для жителей заполненных территорий (на рисунке это область между кругами-пространствами). Документально, исторически, это те места, которые обнаруживаются в сухих сводках чиновников, куда переселяются жители с конкретных мест. Например, «место в 20 верстах от Хабаровска оказалось неудобным, а потому они (переселенцы) двинулись на юг и образовали селение Турий Рог...» [6, с. 426]. Таких сводок масса. В этом случае ничего, как правило, не упоминается о том, как потенциальное пространство для «удобной жизни» было обнаружено. Совершенно ясно, что это пространство, неизвестное чиновникам, очевидно, существует для обывателя, деятельность которого на этой территории не является учтенной государством.

Пространственная структура

Это и есть трудно обнаруживаемые административными бюрократическими органами пространственные лакуны. Такое пространство находится вне поля легитимной хозяйственной деятельности человека. Определение такого пространства возможно только путем анализа первоначальной деятельности переселенцев или создания административной структуры местного управления, направленной на определение таких «сбойных» сегментов пространства. Так, после включения Уссурийского края в состав Российской империи в 1861 г. административное управление на территории края не могло контролировать приток гастарбайтеров-манзов (китайцев). По Айгунскому и Тяньцзиньскому договорам 1858 г., которые определили территорию Дальнего Востока как легитимную для Китая и России, китайцам было предписано в течение трех лет переправиться с русского Дальнего Востока на китайский [14]. Однако на территории России по-прежнему сохранялась достаточно большая неучтенная диаспора манзов. По данным Ф. Буссе,

на территории Уссурийского края китайские общины без изменения быта сохранялись вплоть до 80-х гг. XIX в. В этой связи в 1880 г. в Хабаровске в руках военного губернатора сосредоточивается гражданское управление и организуется земская полиция в Южно-Уссурийском крае, где и локализовались преимущественно манзовские общины. Такие меры собственно и выступают способом ликвидации пространственных лакун, в границах которых были сосредоточены не только манзы, но и «хунхузы», т. е. китайские бандиты. В этом случае контроль за проживающими в этих районах китайцами начинает осуществляться, а значит, происходит и включение этих территорий в реестр государственного пользования или, по крайней мере, интересы государства распространяются на эти территории. Таков принцип заселения территории.

Механизм потери территории обратно пропорционален механизму ее освоения. В результате неспособности государства контролировать те или иные территории лакуны начинают расширяться, в связи с чем подконтрольная территория сужается до уровня первоначального форпоста, в границах которого и существует местная административная система управления регионом. Создание системы местного самоуправления, которое предпринимает сегодня правительство РФ, позволит расширить зону влияния государства на пространственные лакуны. Но из-за нехватки ресурсов (в том числе людских) освоить эти территории в полной мере оно не сумеет.

Социальная организация осваиваемого пространства как причина вторая

Важной причиной, по которой правительство России осуществляло финансирование рекрутирования населения на Дальний Восток в XIX в., было создание щита от внешней угрозы с Востока [15]. Этот политический акт освоения территории становится важным условием прирастания Приамурья к России. Вместе с тем формирование хозяйственной деятельности на осваиваемом пространстве становилось также одним из дополнительных факторов заселения территории. Эти два фактора – политический и хозяйственный (причем в случае освоения Хабаровского края хозяйственная деятельность была малорентабельной) – определяют условия и схему волновых потоков населения. Еще до периода так называемого политического освоения территории Дальнего Востока, в том числе и Хабаровского края, переселенческие потоки осуществлялись как походы за природными ресурсами (фактор хозяйственной деятельности). В XVII в. переселенцы двигались с целью добычи мягкой рухляди (пушнины) В XVIII в. пушной зверь был

практически весь выбит, отчего происходит отток населения и регион оказывается в запустении. Далее на Дальнем Востоке начинается добыча серебра, которая приводит к новой миграции. После открытия на Алтае более доступных месторождений серебра Дальний Восток вновь начинает пустеть. Следующая волна переселенцев связана с добычей золота [16]. Постоянная миграция населения приводила к тому, что начинало формироваться проточное пространство. *Проточное пространство – это пространство, в котором существует относительный баланс положительной и отрицательной миграции населения и слабая сформулированность «популяционного ядра»* [17]. Вплоть до конца 80-х гг. XX в. на территории Хабаровского края так и не сложилось жесткое ядро коренного (из числа когда-то прибывшего) населения. Численность населения, которое в течение хотя бы трех поколений проживало на территории Дальнего Востока, к 1985 г. составляла 6–7 % [15]. Такая процентность просто растворялась в общей массе регулярно прибывающих «поселенцев» и не играла сколько-нибудь существенную роль в системе транслирования дальневосточных традиций.

В результате сложившихся условий формируются определенные социальные процессы, в которых возникает система символических напластований. В этой системе новоприбывшие переселенцы представляют собой наиболее привилегированную группу людей, подпадающую под программу *социального переселения*. Вид деятельности, для которого новые переселенцы прибыли, наиболее значим для государства. Представители новых миграционных потоков находились ближе к сакральной трансляции позитов государства. До них активнее доходили задачи столиц относительно региона, потому люди из этих потоков входили в иной (более привилегированный), с точки зрения ранее осевшего населения, круг эпистемологического пространства. В результате формируется «слоеный пирог» из смысловых штампов, который является эпистемологической нишей Дальнего Востока и, особенно, Хабаровского края. Положение последнего может быть в значительной степени определено термином «проточное пространство», поскольку край слабо связан с постоянными источниками морских ресурсов, как в случае с Приморским краем. Освоение территории в таком случае происходило в условиях формирования «заготовительных баз», смысловые маркеры территории касались только ведения конкретной хозяйственной деятельности, причем, поскольку речь зачастую шла о кочевом хозяйстве, это освоение, как правило, проходило фрагментарно. Только в момент создания землепашеских поселений начинает осуществляться процесс окультуривания пространства. В этом случае появляется потребность подчинять свой собственный быт

местным условиям, а для этого необходимо анализировать (осваивать) эти условия (о чем мы уже выше говорили). Переселение осуществляется по тому же принципу проточности. Маятниковые миграции проходят повсеместно и затрагивают не только и не столько Дальний Восток, но и Сибирь. Зачастую переселяемое население не добирается до цели, т. е. Дальнего Востока. В середине XIX в. из-за нехватки средств часть семей по личному распоряжению генерал-губернатора оставляли в тех местах, на которых заставало людей безденежье. Только в 1859 г. министр государственных имуществ определил из 500 семей лишь половину отправить на Амур, остальные остались в Западной Сибири. Кстати, в это время в движении по направлению к Амуру находилось до тысячи семей (это более трех тысяч человек, в то время как общая численность прибывшего населения Дальнего Востока на момент начала 80-х гг. составляла 16,8 тыс. человек [18]), и только на 300 из них реально хватало денег. Остальные могли осесть на транзитном пункте. В результате оказывалось, что не только Приамурье находилось в постоянном движении, но и вся Сибирь. Глобальный процесс движения населения XIX в. трудно сопоставить с процессами миграции XX–XXI вв. Помимо того что путь переселенца из центральной части России на Дальний Восток составлял два-три месяца, люди попадали в принципиально новую природную, а главное социальную среду. Переселяемое население должно было начинать освоение и осмысление новой территории с чистого листа. Заселение территории осуществляется в условиях сформированных или формируемых симулятивных образов. Данные образы позволяют репрезентировать социальные позиции переселенцев в иных условиях нового географического пространства. Важно отметить, что на новой территории создается необходимость формирования принципиально иных интерактивных сообществ. Например, заселение Дальнего Востока осуществлялось за счет крестьянских семей. По переписи 1897 г. в социальном составе населения преобладало крестьянство, которое занимало около 70 % общей численности людей, проживающих в крае. «Ежегодно из центральных губерний России в Приморье прибывало по 30–40 тыс. человек, в Амурскую область – около 20 тыс. Поскольку переселение осуществлялось преимущественно из европейской части России: из Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Волынской, Могилевской... губерний» [19], население оказывалось неприспособленным к ведению сельскохозяйственных работ в новых условиях. Как отмечал генерал-губернатор П. Ф. Унтенбергер, приходили переселенцы, не подготовленные по характеру условий жизни на прежней родине к борьбе с совершенно другими, более тяжелыми, условиями водворения на новом месте [20, 21]. Насущной проблемой и самого прибывшего населения, и надзорных за

ним органов являлась смена привычного уклада прибывающего населения. Нельзя забывать, что крестьянство XIX в. – первой трети XX в. – это наиболее консервативная часть населения страны. Отработанная годами практика хозяйственной деятельности приводила к закреплению крестьян именно к конкретной климатической зоне. Смена этой зоны требовала не только адаптации к новым условиям, но принципиальной замены отработанных поколениями социальных смыслов, порождавших возникновение «иных интеракций». Именно такое население активно участвует в миграции и создает социальный контекст русского Дальнего Востока.

Новые условия проживания требуют смены структуриаций (в терминологии Э. Гидденса) и создания целого комплекса *правил*, хабиитуализирующих жизнь человека в новых условиях, что приводит прежде всего к смене кодифицированных установок повседневности прибывшего населения. В результате пополнение населения осваиваемой территории осуществляется за счет жителей, вырванных из привычных не только территориальных, но и социальных условий [22]. Социальный статус таких людей в метрополии преимущественно не соответствует их собственным представлениям о личном социальном положении и, оказавшись в положении маргиналов, они переселяются на территориальную периферию, где производится «перераспределение» социальных статусов. *В процессе освоения территории создаются смысловые конструкции, применимые только в условиях данного пространства и действующие только в его границах.*

На территории Приамурья возникли социальные условия, которые оказываются малопонятными для жителей метрополии, а сама территория, в социальных мифах этих жителей, является лакунарным пространством.

Властное управление осваиваемого пространства как причина третья

Система проточного пространства в том виде, который был придан ей выше, представляется фантастической. Социальные сети узлокальны, структура эпистемологического пространства не маркирована. При таких обстоятельствах говорить о едином социальном освоении территории вообще нельзя, как, впрочем, нельзя говорить и о пространстве в его социальном смысле. Все это так, если не иметь в виду систему властного управления.

Causa finalis освоения пространства известна только властной системе. Роль власти в осваиваемом пространстве определяется с первых шагов его заселения. Факт поиска реперной точки территории, с которой пойдет ее колонизация, предполагает символическое ограничение

того пространства, которое необходимо в своих поисках оставить без внимания. Это пространство не укладывается в систему властного императива, представляющего собой канал прагматической объективности. В перспективе *именно здесь* оказался тот город, который необходимо освоить, поэтому действующие акторы неизбежно ищут и строят то, что, мы уже знаем, должно быть именно в этом месте. Эта остроумная задумка социальной реальности позволяет определить смысловой ход поиска пространства.

Формальное условие освоения пространства дискурсивно, именно в этой связи акцент освоения делается на поколения, которые будут пользоваться плодами освоенной территории. Дискурс, о котором идет речь, это дискурс пространства *тех*, кто создает, формирует, строит, и *этих*, которые это объективно принимают таким, какое оно есть. Власть для последних проявляется, как это выразил Х. Лефевр, в виде молчания пользователей пространства. Пространство уже привычно и четко определено, так как оно было конституировано единым субъектом власти (государством, правительством, чиновничьим аппаратом и т. д.).

Совершенно очевидно, что объективной реальностью проявления властных отношений здесь выступает целый комплекс мер (к ним относится, в том числе, схема формирования легитимного пространства, как, например, мы это видим при заключении международных договоров), предпринятых для легитимизации своей власти над данным пространством. Достаточно интересно выглядит тот факт, что на момент освоения территории ее символическое поле только формируется, а понимание освоенности этого пространства осуществляется в тот момент, когда традиции его нахождения вполне легитимны. Таким образом, процесс освоения территории – это условие формирования прогностической схемы социальных отношений данного географического пространства, зафиксированного в формирующихся традициях территории. В этом случае вполне естественно, что определенная территория является условием допустимых границ властных отношений. *Властные структуры оказываются дееспособны именно в том территориальном пространстве, которое этими структурами выявлено и обозначено.* Таким образом, определяя границы своего воздействия, власть выявляет все остальные пространства, на которых оно не действует. В результате пространство прописано или освоено именно картологически, но не физически, что может означать только то, что освоение географического пространства само по себе симулятивно.

Библиографические ссылки

1. Филиппов А. Гетеротопология родных просторов // <http://www.strana-oz.ru>, 2005.
2. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices // The Logic of Practice. Polity Press, 1990.
3. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменение в обществе. Проект теории цивилизации. М., 2001.
4. Lasswell H. D., Kaplan A. K. Power and Society. New Haven, 1950.
5. Таранов Н. Население Амурской области // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1895.
6. Буссе Ф. Ф. Уссурийский край // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., М., 1895.
7. Городской архив администрации города Комсомольска-на-Амуре (ГАК).
8. Филиппов А. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. № 1.
9. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1.
10. Барсуков М. И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 1.
11. Савенкова В. Н. Дискурс власти в формировании городского пространства (на примере г. Комсомольска-на-Амуре в 30-50-х гг. XX в.): Дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2003.
12. Замятин Д. Н. Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // Вопросы философии. 2001. № 9.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
14. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – сер. XIX в. Хабаровск, 1986.
15. Свидерская В. В. Демографическая политика советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е годы XX века): Дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2003.
16. Бляхер Л. Е., Левков С. А. Основания региональной социальной политики. Хабаровск, 2005.
17. Бляхер Л. Е., Зеньковский Ю. В. Очерки экономической культуры приграничья: региональный аспект // Город «X»: провинциальные города России (теоретико-этнографические исследования). Хабаровск, 2003.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990.
19. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893. СПб., 1896.
20. Унтенбергер П. Ф. Приморская область (1856–1896 гг.). СПб., 1900.

21. *Кауфман А. А.* Материалы по вопросу колонизации восточности Приамурского края. СПб., 1901.
22. *Кузина И. Л.* Социальный характер советской молодежи Дальнего Востока 30-х годов: Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003.